

зами Юстиниана и Феодору, которые понесли возмездие за позорные поступки и образ жизни¹⁸. Для тех же, кто в будущем подвергнется насилиям тиранов, будет утешением сознание, что не они одни подвергались подобным бедствиям¹⁹.

Сколь ни возвышенна цель писателя, надо признать, однако, что средства ее достижения довольно сомнительны. Ведь Прокопий в своих официальных трудах восхваляет существующий режим, а в «Тайной истории» обрушивает на правителей ушаты грязи, вскрывая не только действительные преступления, но и приписывая им порою столь немислимые пороки, которые могут быть лишь плодом неудержимой фантазии, питаемой глубокой ненавистью.

Справедливо отмечалось, что «Тайная история» — не историческое сочинение в собственном смысле, а скорее политический памфлет, написанный желчью, а не чернилами²⁰. В непримиримой злобе к Юстиниану Прокопий теряет рассудительность, забывает о необходимости для историка строгой проверки фактов. Он неразборчиво собирает все, что может скомпрометировать Юстиниана и Феодору. «Тайная история» полна самых нелепых, подчас несправедливых нападок на Юстиниана, который изображается неким демоном, явившимся на погибель жителям империи²¹. Чего стоит, например, рассказ Прокопия о том, что демон-Юстиниан бродит по ночам без головы по покоям императорского дворца, пугая ночную стражу²². В нападках на Юстиниана Прокопий теряет чувство меры. Его легковерию нет границ, если дело касается злобных рассказней о Юстиниане и Феодоре.

В «Тайной истории» Прокопий приписывает Юстиниану все пороки, терзавшие империю, все дурные деяния с такой же горячностью, с какой в «Трактате о постройках» провозглашает его источником всех полезных начинаний в государстве.

Он с радостью и злорадством смакует самые грязные сплетни, рассказываемые на улицах и базарах Константинополя о правящей чете²³ или о Велисарии и его жене Антонине²⁴.

Даже хорошие поступки Юстиниана в «Тайной истории» истолковываются в дурном свете. Рассказ Прокопия при этом эмоционален и гиперболичен, в то время как в «Истории войн Юстиниана» его повествование течет спокойно, внешне бесстрастно и холодно, порою даже сухо.

Но вместе с тем именно эта страстная партийность Прокопия помогла ему, хотя бы в своем тайном труде, разоблачить тиранию Юстиниана, деспотизм и жестокость его правления. «Тайная история» Прокопия обличает растленные нравы византийского двора VI в. с наименьшей силой, чем «История 12 цезарей» Светония разоблачала разложение Римской империи.

Именно благодаря оппозиционным настроениям Прокопия, политической тенденциозности «Тайной истории» мы располагаем единственными в своем роде сведениями о тяжелом положении народных масс при Юстиниане. Историк с радостью обнажает язвы, разъедающие византийское общество, пороки администрации²⁵, безмерную тяжесть налогов²⁶ —

¹⁸ *Proc. N. a.*, I, 8.

¹⁹ *Ibid.*, I, 10.

²⁰ *Ш. Диль.* Указ. соч., стр. XI.

²¹ *Proc. N. a.*, XII, 14; XVIII, 1.

²² *Ibid.*, XII, 18—28.

²³ О Юстиниане (*Proc. N. a.*, VI, 19—27; VIII, 11—33; XIII, 1—33); о Феодоре (*Proc. N. a.*, X, 1—22; XV, 1—39; XVI, 1—28; LX, 1—54).

²⁴ *Proc. N. a.*, I, 11—42; II, 1—37; III, 1—31; IV, 13—45; V, 1—27.

²⁵ *Ibid.*, XX, 1—4, 7—14; XXI, 1—12; XXIV, 1—7; о продажности суда см. *Proc. N. a.*, VII, 31—32; XIII, 20; XIV, 6—22; XV, 21—22.

²⁶ Прокопий рассказывает о таких тяжелых поборах, как принудительная скупка хлеба — синона (*Proc. N. a.*, XXII, 14—22; XXIII, 11—14), диаграфэ (*ibid.*, XXIII, 9);